

Театр «Капраника» – Рим, 17 ноября 2011 года

«И увидел Бог, что это хорошо»

Хулиан Каррон

Президент Братства *Comunione e Liberazione*

«И увидел Бог, что это хорошо, [...] хорошо весьма» (Быт. 1, 4.10.12.18.21.31). Это утверждение, которое целых шесть раз повторяется в первой главе книги Бытия, выражает взгляд израильского народа на реальность: реальность хороша, хороша весьма. Это не наивные слова человека, не имеющего представления о реальной истории человечества и пережитых им бедствиях. Как нам известно, первые главы книги Бытия были написаны не в начале истории Израиля, но через много веков, в конце долгого пути, на протяжении которого Израиль испытывал точно такие же страдания, как и другие народы.

И именно поэтому вопрос приобретает еще большую остроту: как Израиль мог быть настолько убежден в положительности реальности, хотя вся его история пронизана разного рода страданиями, мучениями, терзаниями?

Такое отношение древнего народа Израиля к реальности удивляет еще больше, если посмотреть на него в культурном контексте соседних народов. Пережив опыт страдания, другие народы пришли к совершенно иному убеждению: реальность положительна не полностью, есть два вида реальности – положительная и отрицательная. То же самое говорили манихеи: есть два начала – благое и злое, а хорошие и плохие творения являются их отражениями. Почему такой взгляд не закрепился в израильском народе?

Это стало возможно только благодаря его истории. Опыт израильского народа о Боге, несмотря на все пережитые испытания, был настолько положительным, что они не могли отрицать Его благость. Бог явил всю Свою спасительную силу. И этот опыт позволил им сказать: Он Спаситель, Он же и Творец. В начале всего – единое благое начало. Все, что происходит от Бога, который благ, тоже есть благо. Поэтому реальность положительна. Именно присутствие Бога среди Своего народа научило евреев смотреть на реальность в ее истине и не допускать, чтобы их определяли какие бы то ни было испытания, из-за которых они могли бы утратить подлинный взгляд на реальность.

Своим ученикам в лицее я приводил такой пример. Если родители поведут ребенка в Диснейленд, мы можем легко представить, как он удивится при виде множества веселых аттракционов. Если мы будем внимательно наблюдать за его реакциями, мы тоже удивимся тому, сколько удивления вызывает в нем реальность. Все видится ему положительным. Но если случайно, по ошибке, ребенок потеряется в толпе, все станет другим. Реальность осталась такой же, как и раньше, но изменилось ее восприятие. Изменилось радикально. Она ему больше не друг, а угроза, враг. Только если он найдет родителей, он сможет снова обрести истинное восприятие реальности.

Но больше всего удивляет, что израильский народ по-настоящему понял положительность реальности именно в момент кризиса. Потеряв Храм, царя и землю, отправляясь в плен, Израиль лишился всего, что считал основанием своей веры. «Как же говоришь ты, Иаков, и высказываешь, Израиль: "путь мой сокрыт от Господа, и дело мое забыто у Бога моего"?» (Ис. 40, 27). Им кажется, что Бог, их избравший, покинул их, забыл их. Чтобы ответить на этот вопрос, Израилю пришлось найти еще более прочное основание. Это пророк Исайя, которого Бог послал в помощь Своему народу, чтобы помочь ему положительно смотреть на реальность: «Поднимите глаза

ваши на высоту небес и посмотрите, кто сотворил их [морские воды, бесконечность неба, прах земли и горы]? [...] Разве ты не знаешь? разве ты не слышал, что вечный Господь Бог, сотворивший концы земли, не утомляется и не изнемогает?» (Ис. 40, 12s.26-28). Когда все рушится, что-то остается нерушимым – реальность и глаза, которые научились на нее смотреть.

Мы хотим использовать листовку движения *Comunione e Liberazione* «Кризис, призыв к изменению», чтобы помочь друг другу смотреть на реальность, исходя из нашего опыта. Это суждение об обстоятельствах, в которых мы оказались и которые могут привести к развалу Италии и всей Европы. Каждый призван занять позицию в отношении этой ситуации.

Суть нашей позиции, созвучная перспективе, о которой говорится в X главе книги отца Джуссани «Религиозное чувство», изложена в самом начале этой листовки словами «реальность положительна». Все мы ощутили в себе и в других людях сопротивление этому суждению, как только начали его распространять. Почему? Почему мы ощущаем это сопротивление? Но правда ли, что реальность положительна? Этот вызов мы хотим обратить ко всем, в первую очередь – к нам самим, потому что мы тоже думаем, что есть одна реальность – хорошая, а есть другая, похуже, мы манихеи, мы находимся в ситуации, когда наш взгляд затуманивается, и мы не можем правильно смотреть на реальность. Почему мы ощущаем сопротивление?

Из-за притязания, заключенного в этом суждении, поскольку оно бьет по нашему менталитету.

Это суждение предлагает взгляд на кризис, действительный не только для католиков, как будто для нас реальность положительна потому, что компания, наша общинная жизнь, убеждает нас так думать, так утешать себя. Мы притязаем на то, положительность реальности – очевидность, которую может признать каждый. И здесь Джуссани снова приходит нам на помощь. «Положительный взгляд на жизнь, на реальность мы черпаем не в компании, это было бы слабым утешением, – его диктует нам природа. А компания помогает нам признать это даже в неблагоприятных условиях, в сложных ситуациях» (L. Giussani, *Si può (veramente?!) vivere così?*, BUR, Milano 2011, pp. 292-293).

Мы можем *воспринимать* реальность положительно потому, что она и является положительной. Речь не о попытке «крестить» реальность на основе религиозных предрассудков или благочестивого мировоззрения, а том, чтобы признать ее окончательную природу. Реальность положительна онтологически.

Почему?

Реальность положительна потому, что она существует. *Все существующее* существует потому, что Тайна так допустила (действительно, источник всякой вещи – таинственное Нечто; ничто не создается само собой), все существующее провоцирует и приводит личность в движение, становится призывом к изменению, дает возможность сделать шаг навстречу собственной судьбе. Любое обстоятельство становится путем и инструментом нашего пути: обстоятельство есть *знак*. В силу самого своего существования реальность есть провокация и, следовательно, возможность для «я» выйти из охватившего его оцепенения. Даже кризис, потому что он провоцирует неотложные вопросы.

«Кризис, – говорит Ханна Арендт, – заставляет нас вернуться к вопросам, он требует от нас ответов, новых или старых, только бы они давались на основе непосредственного анализа; кризис превращается в катастрофу только тогда, когда мы пытаемся противостоять ему, руководствуясь предвзятыми суждениями, то есть предрассудками, тем самым усугубляя его и, более того, отказываясь переживать тот

опыт реальности, использовать тот повод для размышления, который представляет собой сам кризис» (H. Arendt, *Tra passato e futuro*, Garzanti, Milano 1991, p. 229).

Но немалая положительность, о которой мы говорим, не проявляется автоматически – она открывается только тому, кто принимает вызов реальности, кто всерьез принимает ее вопросы, кто не дает задний ход перед неотложными вопросами жизни. Только тот, кто принимает такой вызов, сможет найти для себя и для других адекватные доводы, которые помогут противостоять кризису. Сколько мы видим свидетельств людей, для которых трудности стали возможностью изменения! Именно в этом величие «я», которое должно стать нашим оружием против кризиса, иначе мы уже проиграли; даже если финансовая ситуация выровняется, мы проиграли как люди, личности, потому что согласились быть шестеренкой в механизме обстоятельств. Сколько примеров, когда болезненные ситуации стали возможностью освободиться от монотонности жизни, сколько людей получили неожиданные и удивительные плоды, принимая страдания или неудачи, всерьез принимая вопросы, которые у них возникали! Сколько мы видим свидетельств людей, которые изменились, которые ощутили насыщенность жизни и которые благодарны за то, что произошло, хотя они никогда не желали, чтобы с ними произошло нечто подобное! Произошедшее стало таинственным путем к возрождению их собственного «я» и более глубокому пониманию природы реальности, которую, как им казалось, они уже знали.

Реальность положительна потому, что является обителью Тайны. Но что нужно, чтобы заметить эту положительность? Что нужно, чтобы признать положительность реальности? Разум. Лучше сказать, нужно использовать разум согласно его истинной природе – познанию всех факторов реальности. Действительно, разум способен постигать реальность как «данное», пульсирующее активностью и привлекательностью, как провокацию, то есть как призыв. «Быть разумными – значит признавать то, что проявляется в опыте, – говорит отец Джуссани. – А из опыта мы видим, что реальность положительна [в опыте мы видим положительность реальности – отец Джуссани призывает нас обратить внимание, каким образом мы выносим суждение]. Реальность, постигаемая в опыте, положительна до такой степени, что неизбежно оказывается привлекательной». (L. Giussani, *Realtà e giovinezza. La sfida*, op. cit., p. 98).

Но если мы посмотрим вокруг, то увидим, что, к сожалению, люди крайне редко используют разум таким образом. Найти подобные примеры практически невозможно. Если разум не замечает тайну, самое сердце реальности, самое ценное в реальности, то человек поддается искушению понимать утверждение «реальность положительна» с позиции сентиментализма или морализма, как будто это означает, что она желанна и приятна. Почему это происходит?

Мы часто неправильно пользуемся разумом из-за нашей хрупкости (нашей глубокой слабости) и из-за влияния культурного и общественного контекста, из-за влияющей нас власти. Вследствие этого влияния и нашей хрупкости, сталкиваясь с реальностью, которая принимает отрицательный и противоречивый облик, разум, хотя изначально он открыт реальности, отступает назад, дрожит, запутывается. Стоит только на горизонте показаться какому-то неудобству, как мы тут же ставим под сомнение положительность повседневной жизни. Мы видим это каждый день: как только что-то идет не по-нашему, мы впадаем в кризис. Что уж говорить о кризисе такого масштаба. И реальность из знака, открывающего новые горизонты, часто превращается в могилу, в которой мы задыхаемся.

Как показывает история Израиля, Тайна вошла в историю, чтобы коренным образом изменить именно эту драматическую ситуацию. В тексте о кризисе говорится, что источником такой позиции человека является иудео-христианская традиция:

действительно, в силу самой своей природы вера есть событие, способное пробудить в каждом религиозное чувство, разум, а также поддержать и реализовать способность человека жить в реальности и обращаться со всеми вещами в соответствии с их истинной природой. Поэтому она позволяет нам осознать положительность реальности. Пришествие Христа, высший момент истории народа Израиля, произошло именно для того, чтобы пробудить наше «я», чтобы мы могли противостоять любому кризису. Христос не обещал, что от чего-то нас избавит, - Он обещал дать нам способность встречать лицом к лицу любые обстоятельства (а это не то же самое) и вести нас к победе. Христос приходит и сегодня, потому что и мы, также как израильский народ в момент кризиса, не можем собственными силами преодолеть нашу хрупкость. Христос воплотился не для того, чтобы избавить нас от работы разума, от свободы, от необходимости прилагать старания, но чтобы все это стало возможным, потому что именно это позволяет нам стать людьми, это превращает жизнь в захватывающее приключение, несмотря на все трудности, даже - и прежде всего - в период кризиса, когда все становится вопросом жизни и смерти, чтобы мы не потеряли голову и душу. Христос стал нашим товарищем, чтобы полностью пробудить способность разума признавать реальность. Он пришел, чтобы пробудить религиозное чувство, чтобы мы стали людьми «в большей степени», Он дал нам наилучшие условия – для того, чтобы мы смогли смотреть на реальность в соответствии с ее истинной природой, а не для того, чтобы превратить нас в визионеров.

«Господствующая сегодня культура, - сказал отец Джуссани, - отвергла разум как познание, как признание очевидности, с которой реальность показывается в опыте, то есть как положительность. Она отказалась от привязанности к реальности, от любви к реальности. Она отказалась от любви, потому что для признания реальности такой, как она предстает в опыте, человек должен принять шок, который он испытывает. Человек не принимает реальность такой, как она ему является, и хочет выдумать такую реальность, как ему хочется [эти слова приобретают еще больший вес в отношении финансовой ситуации, это не просто пустой звук], он хочет определить ее по собственному желанию, хочет придать ей такой облик, какой хочется ему» (L. Giussani, *Realtà e giovinezza. La sfida*, op. cit., p. 100).

В этой ситуации становится понятной эпохальная важность борьбы за защиту истинной природы разума, за расширение разума, за разум, открытый языку бытия, то есть за «я», способное противостоять любому вызову, борьбы, которую Бенедикт XVI продолжает посреди всеобщего безразличия

Вот как отец Джуссани описывает путь к возрождению: «Открыть существование как потребность в созидании и, поэтому, потребность в судьбе, в цели (созидать означает сотрудничать в реализации цели, сотрудничать в реализации и исполнении замысла), *разумность*, возлюбленный разум, истинный проводник человека, свет опыта, *привязанность* как сердце человека, огонь и тепло опыта, и *свободу*, которая, имея возможность выбора, не превращается в лезвие, в топор, перерубающий надвое изначально таинственную и деятельно созидательную и привлекательную пропорцию познания и привязанности, но охватывает опыт в полноте его факторов, не теряя ничего из того, что есть, что проявляется на наших глазах, и того, что затрагивает наше сердце. Возрождение произойдет, если наши ноги будут прочно стоять на земле *природы*, как она является в опыте, как она предлагает себя в опыте, как она утверждается в опыте, взвешенном в его изначальных факторах» (*Там же*).

Христос показывает Свою исключительность именно на этом уровне: Он возвращает человеку его самого. Поэтому живое религиозное чувство является проверкой веры. Точно так же проверкой веры является истинное и полное

использование разума, оно является мощным и безошибочно узнаваемым подтверждением признанного и пережитого отношения с Христом, который современен каждому из нас. Христианство не добавляется извне, как надстройка человеческой жизни, как пиетизм, но просвещает, воспитывает и спасает саму природу человека, раненую, но не уничтоженную первородным грехом.

«И главным следствием этого (...) является непреклонная надежда как окончательный смысл отношения с вещами, как окончательный смысл пути среди вещей. Это положительность, побеждающая все превратности судьбы. Святой Павел сказал самые революционные слова за всю историю мировой литературы: *omnis creatura bona* – всякое творение есть благо. [...] Поэтому, - продолжает святой Павел, - *omnia cooperantur in bonum* – все содействует положительности твоей жизни, благу» (L. Giussani, *Si può (veramente?) vivere così?*, op. cit., pp. 293-294).

Незадолго до мученичества святой Томас Мор утешал свою дочь такими словами: «Ничего не происходит без воли Бога, и я уверен: что бы не произошло, каким бы ужасным оно не казалось бы, в действительности все будет ко благу» (Из письма Маргарет Ропер к Элис Элиингтон о разговоре с отцом в тюрьме; ср. Tommaso Moro, *Lettere, Vita e Pensiero*, Milano 2008, p. 385).

Мы снова видим, что реальность есть знак. Не мы решаем, что она должна быть такой. Она такая *есть*. Кризис призывает всех: и нас, и других – проверить истинность реальности. Каким образом?

Кризис – это то обстоятельство, от которого Тайна нас не избавила, как Она не избавила от испытаний израильский народ, чтобы мы совершили эту проверку сейчас. Действительно, обстоятельства являются существенным, а не второстепенным фактором нашего призвания быть людьми. Если в современном контексте мы не переживаем реальность согласно ее истинной природе, это означает, что мы не переживаем подлинную веру, эту веру нельзя назвать христианской, и значит мы не переживаем ее как признание Присутствия, возвышающего нашу изначальную человечность. В таком случае вера бесполезна, поскольку она неспособна позволить нам жить сейчас, в этой ситуации. Но такая вера становится частью проблемы, а не решения. Напротив, парадоксальным образом, кризис может стать возможностью проверить соответствие веры нашей человечности, ее разумность.

В той мере, в какой мы примем этот вызов и лично совершим эту проверку, мы сможем признать переживаемый нами опыт, сможем предложить путь, дать совет, сохранить культурную позицию в отношении с другими людьми, предложить нечто большее, чем обычные жалобы – жалоб было уже довольно, - потому что, как мы часто повторяли, «вклад христиан будет иметь решающее значение, только если разумение веры станет разумением реальности», как сказал Бенедикт XVI (Бенедикт XVI, Выступление перед участниками Пленарной ассамблеи Папского совета по делам мирян, 21 мая 2010 года). Итак, если мы согласимся совершить этот труд, то мы наполним друг друга таким богатством опыта, что в диалоге сможем поделиться им со всеми. И мы откроем, в чем заключается влияние христиан на историю.

Текст «Кризис, призыв к изменению» знаменует для нас начало и необходимость общественной культурной борьбы, борьбы движения CL как такового, прежде всего – с нами самими, борьбы, которая является частью опыта веры, как он был нам передан, и борьбой за человечность. Это попытка сообщить коллегам по работе, друзьям и всем, кого мы встречаем, ту надежду, которая живет в нас. Но эта надежда была бы призрачной, безосновательной, если бы она не основывалась на проверке в опыте, на истинном использовании разума. Как свидетельствует нам Папа, чтобы быть более убедительными, христиане должны стать не более набожными, но должны правильно использовать разум, чтобы тем самым принести реальную пользу.

Об этом он сам свидетельствовал нам во время своего визита в Германию, бросив всем вызов, используя разум иначе, чем все привыкли.

Только так наш вклад будет действительно иметь решающее значение. Иначе, даже если мы будем суетиться, как все остальные, мы ничего не будем значить для наших братьев и не выполним свою историческую задачу – переживая кризис, как и все остальные, пробуждать надежду. И мы, христиане, будучи столь же хрупкими, как и все остальные, можем пробуждать эту надежду благодаря дару, который мы получили и который не можем приберечь для одних себя.

Наш текст о кризисе продиктован суждением: порыв каждого отдельного человека есть благо для всех, энергия «я» не исчерпывается в себе самой, но созидает народ. История Италии служит тому ярким подтверждением, как показала выставка «150 лет субсидиарности»: во времена, когда положение было намного хуже, чем сейчас (вспомним, например, послевоенные годы, когда в стране царил разуха) люди, движимые положительным порывом, собрались вместе, взяли инициативу в свои руки и восстановили страну.

Отец Джуссани – наш самый настоящий друг, потому что он показывает нам природу этой культурной битвы. Эти пророческие слова были сказаны в 1986 году, в славные 80-е, когда казалось, что мир шагает в светлое будущее и кризис был еще далеко: «Решение, - сказал он тогда, - это битва ради спасения. Это битва не за то, чтобы остановить хитрость цивилизации, а за то, чтобы вновь открыть и свидетельствовать о зависимости человека от Бога. То, что во все времена было подлинным смыслом человеческой борьбы, то есть борьбы между утверждением человечности и использованием человечности властью, сейчас достигло высшей точки (...). Самая большая опасность сегодня – даже не уничтожение народов, не убийство, но попытка власти разрушить *человечность* [наш главный ресурс]. А сущность человечности – это свобода, то есть отношение с бесконечным. Поэтому в первую очередь в западном мире в этой битве должен сражаться человек, который ощущает себя человеком [рядом с другими такими же людьми]. Это битва подлинной религиозности и власти. Истинная религиозность – это ограничитель власти, любой власти: общественной, политической и церковной» (L. Giussani, «Cristo, tutto ciò che abbiamo», *Tracce-Litterae communionis*, n. 2, 2002, p. V).